

СОСТАВИТЕЛИ
ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН
и ГАРДНЕР ДОЗУА

ПЕСНИ УМИРАЮЩЕЙ ЗЕМЛИ

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН,
НИЛ ГЕЙМАН,
ДЭН СИММОНС,
РОБЕРТ СИЛЬВЕРБЕРГ,
ЛЮЦИУС ШЕПАРД,
ТЭД УИЛЬЯМС,
ГЛЕН КУК
и МНОГИЕ ДРУГИЕ

ИСТОРИИ В ЧЕСТЬ
ДЖЕКА ВЭНСА



Annotation

Abrizonde Рассказ, 2009 год

- Уолтер Йон Уильямс



Уолтер Йон Уильямс

Абризонд



Веспанус из Роэ, школяр-архитектор, желая посетить город Оккул в стране под названием Калабранд, покинул Эскани в начале года и отправился вверх по течению Димвера, глубокой реки, несущей свои воды через Абризондскую теснину к заливным лугам Пекса — той земли, где Веспанусу пришлось просидеть среди скучных плешивых пустошей всю студеную зиму, ожидая, пока откроется перевал.

Местные баржевики заявили, что раннее путешествие таит в себе слишком большую опасность для их судов, поэтому Веспанус пустился в путь по берегу реки верхом на муле по кличке Твест, спокойном создании кремовой масти. Ледяной Димвер с ревом неся слева от Твеста, который с умиротворенным видом шел вперед. В тени скал еще лежал снег, но тропа была вполне проходимой. По мутным водам проплывали большие куски льда, и Веспанусу пришлось признать, что они и в самом деле представляли угрозу для барж.

Морозными ночами Веспанус упражнялся в архитектурном мастерстве, и, повинуясь приказам хозяина, его мэдлиг Хегадиль каждый вечер строил теплый уютный домик с конюшней для мула и каждое утро разбирал и то и другое. Таким образом, Веспанус проводил ночи в относительном комфорте, развалившись на узорчатых простынях, покуривая флюм и листая какой-нибудь гримуар в те моменты, когда наркотический дым не

наведая ему приятные фантазии.

На третий день своего восхождения Веспанус заметил на горизонте укрепленный замок с башнями и понял, что добрался до земель, принадлежавших протостратору Абризонда. Об этом властителе его предупреждали баржевики: «Грабитель, грубый и алчный, питающий странную слабость к красивым нарядам и склонный взимать немыслимые пошлины с каждого путешественника, чей путь лежит через теснину». Веспанус спросил, нет ли маршрутов, которые вели бы в обход владений грозного протостратора, но таковые означали лишние недели в пути, и поэтому Веспанус смирился с неизбежной утратой значительной части своих наличных средств.

Так или иначе, протостратор его приятно удивил. У Амбиуса — так протостратора звали на самом деле — была лысеющая круглолицая голова, а вокруг шеи экстравагантный воротник из паутинного кружева, и за несколько ночей приятного гостеприимства он не попросил ни гроша. Его интересовали только новости из Пекса и слухи про эсканийских воевод, о чьих делишках он, похоже, был весьма осведомлен. Он также хотел знать, что сейчас носят, какие песни поют, какие пьесы и театральные представления посещают и какие стихи сочиняют. Веспанус изо всех сил старался угодить хозяину: он пел мягким тенором, аккомпанируя себе на осмианде; он рассуждал о запретных любовных интригах воевод, изображая глубокие познания, коих на самом деле не имел; он также описал роскошный гардероб Деспуэны из Шозе, которую мельком увидел во время шествия к Эсканийской гильдии черных магов, ибо древний обычай обязывал ее принимать в этом шествии участие каждые девятьсот девяносто девять дней.

— Увы, — сказал Амбиус, — я образованный человек. Будь я обычным грабителем и дикарем, сидел бы себе с радостью тут, в своем гнезде над Димвером, и наслаждался тем, что блеск моих сокровищниц становится все ярче. Но теснина вынуждает меня тосковать по утонченным благам цивилизации — по шелкам, песням и городам. Ни единого города не видел я за последние тринадцать лет, с того самого дня, как занял свое нынешнее положение, — ведь если я отправлюсь в Пекс или Калабранд, то мгновенно лишусь головы за то, что покусился на несправедливую и неразумную государственную монополию по взиманию налогов. Поэтому мне приходится утешаться теми признаками культуры, которые удастся добыть. — Он деликатным жестом указал на картины, висевшие на стене, на пологи из шкуры манка и на свое роскошное, хотя и достаточно эксцентричное одеяние. — Таким образом, я обречен пребывать

здесь, взяв дань с путешественников тем же самым образом, который применяли другие протостраторы до меня, а о далеких городах мне остается лишь мечтать.

Веспанус, у которого дилемма протостратора не вызывала большого сочувствия, пробормотал несколько слов утешения.

Амбиус просветлел.

— И все же, — продолжил он, — я известен своим гостеприимством. Любой поэт, артист или целая труппа найдут здесь сердечный прием. С них я дань не беру — при условии, что они станут посланцами цивилизации и с охотой возьмутся меня развлекать. А благородным господам вроде вас, — он кивком указал на Веспануса, — я, без сомнения, всегда рад.

Веспанус поблагодарил хозяина, но не преминул заметить, что утром уезжает в Калабранд. Амбиус хитро прищурился в ответ.

— Я так не думаю, — сказал он. — Надвигается буря.

Буря пришла, как и было предсказано; внутренний двор засыпало снегом, а по крыше то и дело оглушительно стучали градины, вследствие чего Веспанус провел еще две не лишние приятности ночи в гостях у протостратора. На третий день, вновь поблагодарив хозяина, он оседлал Твеста и продолжил свой путь через теснину.

Полдня спустя, изучая простиравшуюся впереди тропу, он заметил в просвете между зубцами горного хребта красный отблеск солнечных лучей на металле. Приглядевшись, он убедился, что блестело там многое — уздечки и стремяна, наконечники копий, хрустальные кончики огненных стрел и знамена, на которых виднелась эмблема экзарха Калабрандской марки.

Веспанус развернул Твеста и погнал его обратно к замку протостратора так быстро, как только позволяла неровная местность. Прибыв на место, он сообщил изумленному Амбиусу, что экзарх продвигается к теснине вместе с большим войском.

Амбиус прикусил верхнюю губу.

— Не думаю, — сказал он, — что вы сообразовали остаться и почтить меня участием в обороне.

— Хотя смерть под знаменами протостратора Абризонда немало прославила бы мое имя, — произнес Веспанус, — боюсь, я оказался бы бесполезен во время осады. Увы, я стал бы всего лишь еще одним голодным ртом.

— В этом случае, — продолжил Амбиус, — вы не могли бы передать моему агенту в Пексе послание, согласно которому ему следует нанять отряд воинов? Должен признаться, что в данный момент под моим командованием не так много людей.

— Я заметил, — отозвался Веспанус, — но счел невежливым обращать на это внимание.

— Я обычно набираю полный гарнизон весной, — сказал Амбиус, — и распускаю большую его часть поздней осенью. Помимо сложностей, связанных с довольствием для солдат в зимний период, всегда есть опасность, что воины, вынужденные проводить в казармах скучные и монотонные зимние дни, вознамерятся развеять свою тоску посредством мятежа, в ходе которого я буду убит, а один из их капитанов станет новым властителем. По этой причине зимой я держу при себе только тех солдат, отсутствие амбиций у которых проверено годами скучной службы, не отмеченной блестящими успехами.

— Рад, что вы проявили такое благоразумие, — ответил Веспанус, — хотя в нынешних обстоятельствах оно и кажется мне несвоевременным.

Амбиус опять прикусил верхнюю губу.

— Мне пришлось прибегнуть к таким мерам из-за сложного жизненного опыта, — пояснил он, — ибо тринадцать лет назад именно я был тем амбициозным капитаном, который убил предыдущего протостратора в канун Нового года и бросил его тело в Димвер с вершины Ониксовой башни.

— Не сомневаюсь, что перемены были к лучшему, — тактично произнес Веспанус. — Но если вы хотите, чтобы я передал ваше письмо, всячески рекомендую предоставить его сейчас, ибо я не испытываю никакого желания встречаться с армией экзарха.

Амбиус дал ему письмо; Веспанус вновь пустился в дорогу, оседлав Твеста, и не поручал мэдлингу строить убежище, пока не стало совсем темно и на востоке не взошло бледное созвездие Лейкоморфа. Утром он осторожно выглянул из окна, опасаясь летающих шпионов, и лишь потом вышел из дома, чтобы подготовить Твеста к новому дневному переходу. Однако ему удалось проехать лишь сотню ярдов, а затем в тумане, поднявшемся над Димвером, показались очертания войска, похожего на змею, ползущую по тропе в каких-то двух лигах от него. Посреди блистающего оружия он разглядел цыплячье-желтые с голубым знамена Пекса.

Проклиная свою злосчастную судьбу и неудачливость, Веспанус вновь погнал мула вверх по склону холма и сумел добраться до Абризондского замка как раз в тот момент, когда по другую сторону от него появились разведчики Калабранда. Его пустили внутрь, и там он сразу заметил, что крепость подготовилась к военным действиям. Тут и там лежали взрывоками, предназначавшиеся для сбрасывания на головы

атакующим. На стенах виднелись солдаты, вооруженные стрелометами и огненными жезлами и выглядевшие знатоками своего дела, хотя им не хватало воодушевления и были они большей частью среднего возраста. Шпили на крышах и башнях заново смазали ядами, чтобы защититься от нападения летающих врагов. Слуги, получившие отличное снаряжение из обширных дворцовых хранилищ, слушали торопливые указания о том, как следует применять оружие.

Веспанус нашел Амбиуса на наблюдательном посту в Ониксовой башне и увидел, что протостратор облачился в искусный полный доспех темно-голубого цвета со шлемом, увенчанным поднявшимся на дыбы клыкатым ящером. Веспанус сообщил о появлении второго войска и стал наблюдать, как Амбиус задумчиво ходит по комнате из угла в угол.

— Предположим, Пекс и Калабранд могли начать войну друг с другом, — сказал он, — и каждая сторона вознамерилась захватить противника, перейдя через теснину, таким образом, они оказались здесь исключительно случайно.

— Думаете, такое возможно? — с надеждой спросил Веспанус.

— Нет, — ответил Амбиус. — Не думаю. — Он внимательно посмотрел на Веспануса. — Я так понял, вы сведущи в тавматургии? — спросил он.

— Мне знакомо только кое-что из низшей магии, — сказал Веспанус, — и я намеревался попасть в Оккул, чтобы продолжить свое обучение, но армия Калабранда преградила мне дорогу.

— Знаете ли вы какие-нибудь заклинания или чары, которые могли бы пригодиться в нынешних обстоятельствах?

— Я позаботился о заклинаниях, при помощи которых можно справиться с каким-нибудь разбойником или деоданом, но мне и в голову не пришло, что сражаться нужно будет с целыми армиями. И в любом случае я уже сказал вам, когда наслаждался вашим сердечным гостеприимством, что моя главная специальность — архитектура.

Амбиус нахмурился.

— Архитектура, — мрачно повторил он.

— Я создаю здания фантастической природы: сначала, следуя желаниям клиента, я проецирую призрачный образ, в точности повторяющий то, каким должно выглядеть законченное здание. Затем при помощи одного из малых сандестинов — тех, которых называют мэдлингами, — на протяжении нескольких часов идет строительство, материалы для которого берутся в любых подходящих частях хроносферы. Клиенту остается лишь обставить дом, но даже это я могу устроить за умеренную плату.

Амбиус прищурился.

— А может ли ваш мэдлинг разрушать постройки? Осадные сооружения, к примеру?

— Любой сандестин это сможет. Но я боюсь, что если послать Хегадила против столь хорошо вооруженного войска, то любой толковый чародей сумеет изгнать или убить существо, прежде чем оно успеет выполнить задание.

Амбиус кивнул.

— В моем кабинете есть маленькая коллекция гримуаров, собранная протостраторами, которые жили и умерли здесь до меня. В них содержатся заклинания и чары, которые могут оказаться полезными для того, кто ведет войну, хотя должен признаться, что смысл большей их части от меня ускользает. Я не очень сведущ в вопросах магии и полагаюсь в значительной степени на противозаклятия, амулеты и прочие защитные инкунабулы.

— Вероятно, мне следует ознакомиться с этими гримуарами, — сказал Веспанус.

— Вы в точности предвосхитили мою просьбу, — ответил Амбиус.

Амбиус привел Веспануса в свои личные покои, для чего пришлось обезвредить некоторое количество ловушек — лишь теперь Веспанус начал понимать истинные причины паранойи своего хозяина, — а затем они оказались в маленькой уютной комнате с ковром из шкуры медвепрыгуна и книжными полками вдоль стен.

Веспанус с интересом посмотрел на узкий подоконник, где стояла хрустальная колба, в которой находилась отчаянно жестикулировавшая темноволосая женщина миниатюрного размера.

— У вас есть миникин? — спросил он. — Она умеет показывать фокусы?

— Это моя жена, — сказал Амбиус с весьма преувеличенной небрежностью. — Шесть лет назад она попыталась занять мое место, уменьшив меня, но я сумел заманить ее в ловушку первым. До тех пор пока колба цела, она сохраняет свой нынешний размер, а ее впечатляющие чародейские силы полностью подавлены.

— Помогите! — тонким голосом прокричала маленькая женщина.

— Гримуары, — произнес Амбиус, взмахнув рукой, — покоятся вон на той полке.

Веспанус притворился, что не заметил трех нимф на полке перед рядом гримуаров, — эти бронзовые статуи, изображавшие

соблазнительных дам, способны были превращаться в настоящих, веселых и нежных женщин, что в значительной степени объясняло, как Амбиус утешается в отсутствие жены или, точнее, в ее весьма сокращенном присутствии. Веспанус изучил гримуары, большинство из которых претендовали на авторство великого Фандаала, но были написаны, несомненно, кем-то менее известным. Он бегло просмотрел содержание нескольких томов и выбрал три.

— Вы позволите?.. — спросил он.

— Разумеется, — ответил Амбиус.

Они покинули личные покои протостратора — Амбиус при этом вновь привел в действие ловушки — и направились через внутренний двор к Ониксовой башне. Именно в этот момент над замком вспыхнуло блистающее желтое зарево, чье сияние напомнило о солнце в эпоху его бурной молодости. Веспанус ладонью заслонил глаза от света и мысленно перебрал весь свой маленький запас заклинаний в надежде отыскать то, что можно было бы применить в такой ситуации.

Солдаты, охранявшие замок, тотчас же вскинули оружие и открыли огонь; полыхающие дротики со свистом пронеслись сквозь разлившееся над их головами сияние и, летя по высокой дуге, падали где-то далеко за крепостными стенами.

— Прекратить огонь, недоумки! — рявкнул Амбиус. — Прекратить огонь! Это иллюзия, а не враг, которому можно прострелить сердце!

Веспанус изумленно взглянул на хозяина. Несмотря на свой изысканный гардероб и культурные пристрастия, Амбиус выкрикивал приказы, словно прирожденный командир. Веспанус напомнил себе, что Амбиус был профессиональным воином, пока не возвысился до нынешнего положения.

Повинуясь ему, солдаты на укреплениях один за другим умили свою жажду насилия. Интенсивность сияния уменьшилась в достаточной степени, чтобы можно было разглядеть очертания двух мужчин, которые парили в чем-то похожем на блистающую хрустальную сферу. Решительный седоволосый человек, судя по имевшимся на его одеянии желто-голубым цветам Пекса и красно-белым цветам правящей семьи, был, как предположил Веспанус, базилевсом-отцом этой страны. Он и впрямь слегка напоминал собственный профиль на монетах. Другой человек, более худощавый и в плаще, на котором виднелась знакомая Веспанусу эмблема, был, по всей видимости, экзархом.

Оба смотрели на Амбиуса сверху вниз, самодовольно и презрительно.

— Амбиус Узурпатор, — произнес экзарх, — тебя признали преступником. Если ты не сдашь свою крепость, свою собственную персону и свой бестолковый гарнизон, готовый с радостью палить во все стороны, на тебя обрушится гнев наших объединенных армий.

— Не вижу причин, по которым я должен предоставить вам все перечисленное, — ответил Амбиус, — но взамен с удовольствием могу предложить: придите и возьмите.

Базилевс-отец Пекса улыбнулся.

— Я догадывался, что ты поведешь себя именно так.

Амбиус изобразил поклон.

— Я стремлюсь доставлять удовольствие своим гостям, — сказал он и снова поклонился. — Возможно, ваши величества почтили бы меня своим присутствием на ужине здесь, в замке. Осмелюсь заявить, что мои застолья весьма хороши.

— Из чувства разумной предосторожности, — отозвался базилевс-отец, — боюсь, мы вынуждены отклонить приглашение. Ты добился нынешнего положения, предав человека, который властвовал над тобой, и мы не можем рассчитывать на то, что моральный облик узурпатора за прошедшее время улучшился.

Амбиус пожал плечами.

— Вам так нравился мой предшественник, что на подготовку мести за него ушло тринадцать лет?

Экзарх склонил бритую голову.

— Мы предполагали, что ты продержишься не дольше своих предшественников, — произнес он. — Хотя мы осуждаем то рвение, с которым ты собираешь дань, по праву принадлежащую нам, мы не можем не оценить твое упорство по достоинству.

— В связи с упомянутой вами данью возникает интересный вопрос, — сказал Амбиус. — Предположим, вам удастся захватить мою крепость — и кто же из вас двоих ее займет? Кто будет взимать налоги, а кто уйдет домой с пустыми руками? Короче говоря, кто из вас займет мое место?

Веспанус понял, что Амбиус нащупал больное место. Тот, кто захватит замок, сможет грести деньги из теснины, а остальным придется с этим смириться. Хотя нельзя было исключать, что командующие войсками договорились о совместном владении и разделе богатств, Веспанус не мог себе представить, что два таких амбициозных правителя сумеют сколько-нибудь долго соблюдать подобное соглашение.

Когда Амбиус задал свой вопрос, базилевс-отец и экзарх обменялись взглядами, а потом посмотрели на протостратора, и на их лицах вновь появились раздражающе высокомерные улыбки.

— Крепость не достанется никому, — заявил экзарх.

— Вы выберете третью сторону? — спросил Амбиус. — Как же вы гарантируете ее верность?

— Нет никакой третьей стороны, — сказал экзарх. — Когда мы захватим замок, то разрушим его до основания. Каждый из нас сосредоточит свое внимание на заставах, расположенных по обеим сторонам теснины, а местность будет патрулироваться, чтобы какой-нибудь новый выскочка не отстроил замок Абризонд заново.

Амбиус ничего не сказал в ответ, но Веспанус догадался по тому, как он прикусил верхнюю губу, что это заявление было одновременно неожиданным и до крайности неприятным. Не оставалось никаких сомнений в том, что Амбиус понял: он, его крепость и его сокровища обречены.

С учетом всего перечисленного Веспанус решил воспользоваться шансом обеспечить собственную безопасность.

— Господа! — крикнул он. — Могу ли я обратиться к вам?

Правители повернули к нему каменные лица и ничего не сказали.

— Я Веспанус из Роэ, школяр-архитектор, — произнес Веспанус. — Я направлялся в Оккул, чтобы продолжить свое обучение, и заехал сюда переночевать, а теперь по стечению обстоятельств оказался среди осажденных. Поскольку я никоим образом не связан с этой войной, хотелось бы узнать, нельзя ли мне миновать расположение войск и отправиться по своим делам, предоставив сторонам решать свой спор, как они сочтут нужным.

Соратники по войне выглядели совершенно не заинтересованными в проблемах людей вроде Веспануса.

— Ты можешь уйти, — ответил экзарх, — если согласишься предоставить нам подробные сведения о замке и его защитниках.

Веспануса охватило горькое отчаяние.

— Едва ли я смогу предать того, кто оказал мне гостеприимство, — возразил он. — Не так открыто! У протостратора тогда будут все основания не отпускать меня или причинить мне вред.

Безразличие обоих правителей раздражало его сверх всякой меры.

— Сомневаюсь, что это наша проблема, — сказал базилевс-отец.

Веспануса переполнила кипучая ярость. Ему захотелось плюнуть на властителей, и он этого не сделал лишь потому, что определенно не смог бы плюнуть так высоко.

Они сбросили его со счетов! Уделив ему лишь одно мгновение, оба решили, что от него не стоит ждать ничего

особенного: ни угрозы их власти, ни помощи протостратору — ничего такого, что заслуживало бы их внимания. Еще никогда в жизни его так не оскорбляли.

Парящие властители вновь обратились к Амбиусу.

— Ты не воспользовался предложением сдаться, — произнес базилевс-отец. — Следовательно, мы немедленно начнем развлекаться.

В тот же момент голубая молния ударила с неба, целясь прямо в Амбиуса. Он без малейшего удивления поднял руку, на которой был браслет с выгравированной идеограммой, и молния, отразившись, ударила в землю возле Веспануса. Того отбросило на пятнадцать футов, и приземлился он самым недостойным образом, но в остальном не пострадал. Он вскочил на ноги, отряхнул с одежды грязь и устремил яростный взгляд на двух спокойных властителей.

— Замечу исключительно ради приличия, — начал Амбиус, — что вы сами обвинили меня в предательстве и сами же первыми прибегли к вероломству. Также не могу умолчать относительно того, что призыв воздушного убийцы, снабженного эфирными ботинками и заклятием лазурного свертывания, едва ли повернется язык назвать неожиданным ходом.

Экзарх нахмурился.

— Прощай, — сказал он. — Полагаю, у нас не будет другой возможности побеседовать.

— Я должен согласиться с тем, что дальнейшие переговоры представляются излишними, — ответил Амбиус.

Иллюзорная сфера вновь засияла, сделавшись ярче тусклого красного солнца Старой Земли, и исчезла без следа. Амбиус недолго вглядывался в небо, вероятно ожидая еще одного нападения воздушного убийцы, потом пожал плечами и направился к Ониксовой башне. Веспанус ринулся за ним, горя желанием вновь обрести утраченное достоинство...

— Надеюсь, вы не в обиде, — сказал он, — что я попытался самоустраниться с поля боя.

Амбиус удостоил его беглым взглядом.

— В нашем мире царят разложение и смерть, — заявил он, — вследствие чего от людей нельзя ожидать поступков, мотивированных чем-то иным, нежели личные интересы.

— Вы правильно поняли, что мною движет, — отозвался Веспанус. — Я намереваюсь остаться в живых и отплатить болванам за пренебрежение моей персоной. Вследствие этого я немедленно брошу все свои усилия на оборону крепости.

— Я с замиранием сердца ожидаю ваших дальнейших действий, — сказал Амбиус, и они поднялись на башню.

В тот день нападений больше не было. Окна в башне могли увеличивать и уменьшать изображение, и с их помощью Амбиус и Веспанус наблюдали, как каждая из армий занимается обустройством лагеря. Вражеские солдаты не приближались к замку на расстояние выстрела, и большинство из них фактически находились вне поля зрения, скрытые пиками и зубцами ближайших скалистых возвышенностей. Веспанус полдня пытался запихнуть полезные заклинания в свою память, но обнаружил, что большинство из них значительно превосходят его возможности.

Когда громадное, покрытое пятнами солнце направилось к западному краю горизонта, а на востоке несмело замерцали первые звезды Левкоморфа, Веспанус отвернул в сторону камень на перстне, который он носил на большом пальце, и призвал своего мэдлинга Хегадила.

Хегадиль явился в виде карликовой версии Амбиуса, одетый в такой же экстравагантный голубой доспех и с тем же круглым, скучным лицом, видневшимся под украшенным гребнем шлемом. Веспанус тотчас же извинился.

— У Хегадила есть склонность к неуместным насмешкам, — попытожил он.

— Вообще-то, — произнес Амбиус, — я и не думал, что так уж хорошо выгляжу в этом облачении. — Он окинул существо критическим взглядом. — Вы пошлете его сражаться с врагами?

— Хегадиль не воинственное создание, — сказал Веспанус. — Он занимается строительством и, разумеется, его противоположностью — разрушением.

— Но если войска охраняются чародеями?..

— Хегадиль нападет не на самих солдат, — объяснил Веспанус, — а, скорее, на их окружение.

— Я хочу увидеть, как это произойдет, — заявил Амбиус.

Первым делом Веспанус поручил Хегадилю быстренько осмотреть вражеские лагеря, и через час мэдлинг — на этот раз он явился в виде пародии на базилевса-отца Пекса, миниатюрного седоволосого человека, казавшегося карликом в своих объемных одеяниях с многочисленными гербами, — предоставил полный отчет относительно численности противников и их расположения. Обе армии оказались больше, чем предполагал Амбиус, и, когда он предложил следующее задание для Хегадила, лицо у него было обреченное и расстроенное.

Так вышло, что вскоре после полуночи уступ, нависавший над частью армии экзарха, будучи лишенным опоры, рухнул и похоронил несколько отрядов под оползнем. Солдаты схватились за оружие и начали стрелять во всех направлениях — демонстрация огневой мощи получилась воистину впечатляющей,

и защитники замка, совершившие нечто подобное утром, были посрамлены.

По тревоге армия Пекса тоже стала готовиться к бою, но вела себя тихо — до тех пор, пока через несколько часов не осыпался берег реки, низвергнув часть обоза с продовольствием в ледяную воду вместе со всеми мемрилами, которые и приволокли его на место. После этого в лагере Пекса также воцарился беспорядок, поскольку солдаты всячески пытались переместить оставшиеся припасы и самих себя как можно дальше от реки. Многие заблудились в темноте и попадали в скрытые ямы и ущелья, а кое-кто — даже в саму реку.

Удовлетворенный результатами, Веспанус поблагодарил Хегадила и пообещал ему скостить три месяца кабальной службы.

Утром осаждающие попытались взять реванш, и чародеи обеих армий принялись бросать на замок одно смертельное заклинание за другим. Воздух наполнился огненными кольцами, голубовато-зелеными лучами, алыми иглами и грохотом призматических крыльев. Ничто не возымело эффекта.

— Каждая частица этого места пропитана противозаклятиями, — удовлетворенно проговорил Амбиус, а потом — вне всяких сомнений, подумав о Хегадилье и подобных ему, — прибавил: — В том числе и скала, на которой все держится.

Следующая ночная вылазка Хегадила оказалась менее удачной. Враги приняли меры предосторожности и расставили магические сигнальные устройства в самых уязвимых местах, так что вражеские чародеи оказались предупреждены о появлении Хегадила. Нескольким часовым мэдлинг размозжил головы при помощи камней, добытых из иного времени и брошенных сверху, но в целом вечернее предприятие оказалось провальным. Расстроенный Веспанус отправился в свои покои, чтобы отдохнуть.

Он проснулся после полудня, перекусил и разыскал Амбиуса в Ониксовой башне. Там он увидел, что протостратор беседует с зеленым человечком-твк — даже меньше размером, чем миниатюрная супруга Амбиуса, — прилетевшим в замок верхом на стрекозе.

— Мой друг принес новость: армия Пекса направляется сюда, чтобы атаковать замок, — сообщил Амбиус.

— Новость кажется слегка устаревшей.

— Она была доставлена со скоростью полета стрекозы, — заявил Амбиус. — Насекомые неважно себя чувствуют на большой высоте, к тому же весна холодная.

— Я хотел бы получить соль прямо сейчас, — произнес твк

тоном, не допускающим возражений.

Амбиус предоставил ему желаемое.

— Летом, — сказал он, — здесь всегда обретается не меньше десятка твк. Я даю им все необходимое, а они служат прекрасными разведчиками, когда дело доходит до передвижения войск и барж на Димвере.

И, как подумал Веспанус, до слухов о воеводах Эскани и Деспуэне из Шозе.

— Наши враги, похоже, их опередили, — заметил Веспанус.

— Истинно так. Они пришли раньше, чем прилетели стрекозы с новостями.

— Но позже меня, — сердито пробормотал Веспанус.

Веспанус выглянул из окна башни и увидел, что расположение вражеских войск не изменилось.

— Они чего-то ждут, — произнес Амбиус. — Хотел бы я знать чего.

Веспанус почесал небритый подбородок.

— Оба правителя страдают гордыней. Как вам кажется, не могли бы мы внести раздор в их содружество?

— В этом, — сказал Амбиус, — заключается наша главная надежда.

— Позвольте мне усилить их соперничество.

На закате он вызвал Хегадила из убежища в перстне. Мэдлингу поручили срезать верхушку небольшого холма к востоку от замка, за пределами досягаемости любого из его орудий и на равном расстоянии от обеих армий. Там была воздвигнута небольшая крепость. А потом, когда красное солнце лениво выползло из-за горизонта, оно осветило не только укрепления и миниатюрные башенки, но и длинное знамя, извивавшееся на ветру, словно раздвоенный змеиный язык, на котором было написано: «Храбрейшему».

Со своей башни Веспанус заметил оживление среди осаждающих солдат, которые махали руками и переговаривались между собой. Солдаты вызвали офицеров. Офицеры вызвали знаменосцев. Знаменосцы вызвали генералов. И в конце концов экзарх и базилевс-отец Пекса принялись изучать крепость при помощи дальнегоглядных приспособлений, расположившись на подходящих возвышенностях.

После этого со стороны Калабранда к крепости направился отряд дозорных. Еще один был тотчас же выслан армией Пекса. Дозорные окружили крепость и послали внутрь разведчиков. Те вернулись с донесением, что внутри крепости оказалась лишь длинная кушетка, на которой хватало места только для одного человека.

Дозорные вернулись к своим войскам. На протяжении нескольких часов ничего не происходило. Офицеры приступили к трапезе. Часовые вернулись к своим скучным обязанностям. Тусклое красное солнце ползло по темному небосводу, словно паук, раздувшийся от выпитой крови.

Веспанус проклял свою бесполезную затею и отправился спать.

Прямо перед наступлением темноты от каждой армии снова было выслано по отряду; солдат сопровождали заклинатели, и они разбили лагерь у подножия холма, в тени крепости. Два храбрых воина, вооруженные до зубов, вошли внутрь и, предположительно, провели ночь, угнездившись на противоположных сторонах кушетки, словно робкие девственники.

Разумеется, они ждали нападения. Но оно и не планировалось — у защитников замка не было сил на подобное. Утром храбрецы с важным видом вышли из крепости под звуки вежливых аплодисментов своих сторонников и вернулись каждый в свое войско.

— Начало положено, — произнес Веспанус.

— Сомневаюсь, — отозвался Амбиус.

У него было утреннее совещание с твк. Явились еще четверо, и получилась маленькая эскадрилья, на которую он возложил обязанность передавать сообщения и наблюдать за противником.

— Мой друг говорит, что по Димверу из Калабранда идут пять барж, — сказал Амбиус. — В каждой находится какой-то большой предмет, завернутый в парусину.

— Не нравится мне такая скрытность, — заметил Веспанус.

— Мне тоже, — ответил Амбиус. — Я также припоминаю — и от этого меня охватывают дурные предчувствия — наши предположения относительно того, что вражеские силы чего-то ждут, и задаюсь вопросом: уж не является ли прибытие этих самых предметов тем, что повлечет за собой масштабное нападение? Я прикажу одному из твк рассмотреть эти баржи в подробностях.

Твк, посланный на разведку, к обеду не вернулся. Амбиус прикусил губу.

— Пожалуй, — сказал он, — Хегадиль мог бы нам помочь.

Хегадиль был послан к баржам и возвратился через несколько секунд. Он сообщил, что в каждой барже находится люлька, в которой покоится предмет в форме бутылки примерно восьми шагов в длину, сделанный из темного металла, изукрашенный замысловатым орнаментом в стиле Цветок-и-Шип. Кое-что из этих узоров он нарисовал на стене башни пальцем.

— Метатели взрывной безмятежности! — воскликнул Амбиус. — Мы погибли!

Веспанус попытался успокоить его тревогу.

— Как же так? — произнес он. — Вы ведь говорили, что эта крепость защищена от любых видов магии?

— Магии — да! — отозвался Амбиус. — Но Метатели задействуют не магию, а нечто вроде древней формы механики, в которой магии не больше, чем в огненной стреле. Взрывная безмятежность разнесет наши стены на кусочки!

Веспанус повернулся к Хегадилю.

— Сколько еще ждать, пока баржи придут в лагерь противника?

Мэдлинг — на этот раз он явился в облике Остери-Прэнца, одного из преподавателей Веспануса в Роэ, грозного человека с внушительным глубоким прикусом и привычкой закатывать свои выпученные глаза, — поразмыслил над вопросом.

— Вероятно, два дня, — сказал он наконец.

— Два дня! — повторил Амбиус, словно эхо. — А потом мы покойники!

— Не надо отчаиваться, — произнес Веспанус, ощущая, что говорит это самому себе, а не своему товарищу. — Я прикажу Хегадилю потопить баржи!

— Они будут готовы к такой попытке, — ответил Амбиус.

— И тем не менее... — Веспанус повернулся к Хегадилю.

— Могу ли я дополнить свой отчет? — спросил Хегадиль.

— Да. Есть чем?

— На каждом судне от семи до десяти баржевиков. Также на каждом — десяток солдат, один командир и один заклинатель. К носу первой баржи серебряной иглой приколот труп человечка-твк.

— Когда будешь топить их, — сказал Веспанус, — позаботься о том, чтобы тебя не проткнули иглой или чем-то в этом духе.

Мэдлинг, все еще в облике Остери-Прэнца, закатил глаза.

— Как прикажете действовать? — спросил он.

— Оторви у баржи дно. Подрой берег реки и обрушь на них. Закидай большими камнями сверху. Делай все в рамках своих талантов и воображения.

— Очень хорошо, — с сомнением отозвался мэдлинг и исчез, только чтобы снова появиться через несколько секунд. — На баржах магическая защита, — доложил он. — Я не смог их потопить или сбросить на них что-то. Они идут посередине реки, и обрушение берегов не причинит им никакого вреда.

— Сооруди насыпь в центре речного русла, под водой, — сказал Веспанус. — Пусть она будет достаточно высокой, чтобы

баржи не смогли пройти, не касаясь ее. Потом возьми несколько пик из тех, которыми утыканы крыши замка, и водрузи их в насыпь. — Он с воодушевлением посмотрел на Амбиуса. — Мы оторвем днища баржам.

Амбиус отмахнулся.

— Пусть сначала попытается.

Хегадиль снова отправился на дело, но в результате баржи лишь аккуратно обогнули препятствие. Повторная попытка увенчалась тем же.

Амбиус уныло посмотрел в окно.

— Продолжайте сеять раздор среди врагов, — велел он. — Это все, на что мы можем надеяться.

— Я тут подумал, — сказал Веспанус, — а не станет ли обещание свободы весомым поводом, чтобы ваша супруга приложила свои усилия к обороне Абризонда?

Амбиус недолго поразмыслил над этим, потом покачал головой.

— Не сейчас, — решил он.

Той ночью Хегадиль разрушил крепость, в которой побывали вражеские храбрецы, и взамен соорудил здание с золотым куполом, украшенное с четырех сторон фигурами, аллегорически представлявшими Знание, Истину, Рассудительность и Проницательность. Знамя над зданием гласило: «Мудрейшему».

И вновь выступили разведчики, вновь на закате армии выслали отряды. Два чародея с великолепными бородами, одетые соответственно в цвета меди и полуночи, приблизились к строению, сопровождаемые охранниками, и скрылись внутри.

Утром они вышли. Их бороды по-прежнему были гладко причесаны, а на лицах читалось легкое удивление.

— Что дальше? — спросил Амбиус. — Чистейшему? Стильнейшему?

— Вы увидите, — сказал Веспанус.

День ушел на то, чтобы перебрать обширный арсенал изобретательных уловок, преследовавших целью уничтожение барж, но все оказалось безуспешно. Баржи и их смертоносный груз должны были добраться до места в течение суток. Хегадиль доложил, что вражеские чародеи, сопровождавшие суда, теперь ходили с одинаково высокомерными ухмылками.

Ночью мэдлинг разрушил магический особняк и построил взамен дворец с фасадом из узорчатого мрамора, увенчанный башенками и большим флагом, провозглашавшим: «Величайшему правителю». Амбиус в тревожном молчании ходил из угла в угол по комнате на вершине башни и кусал губы. Веспанус изо всех сил старался уснуть.

Незадолго до наступления темноты экзарх и базилевс-отец в сопровождении отрядов из лучших воинов прошествовали во дворец и заняли свои места там, где, как они считали, была устроена ловушка. Веспанус воспрянул духом: тщеславие не позволило им подумать о чем-то ином.

И вновь Веспанус не стал атаковать тех, кто проник во дворец. У него, как и у защитников Абризонда, не было для этого никаких средств.

Взамен он поручил Хегадию запереть дворец снаружи и покрыть его металлическими пластинами, прочными как алмаз. Раз уж Веспанус не мог убить тех, кто был внутри, он намеревался их там запереть, а потом заполнить помещения дворца ядовитым дымом.

Отправив Хегадия на задание, Веспанус принялся ходить туда-сюда по крепостной стене в ожидании результата своей затеи. Вокруг царили тишина и ночной холод. Веспанус вообразил, как стены далекого дворца потихоньку обрастают огромными броневыми пластинами.

И тут внезапный проблеск осветил мраморные башни дворца, а за ним последовал раскат грома. Новые вспышки не заставили себя ждать — красные, желтые и ярко-оранжевые, — и вскоре воздух наполнился воплями, боевыми возгласами и биением невидимых крыльев.

Веспанус проклял свою судьбу, предков и все живое на сорок лиг вокруг. Он еще не успел закончить, как рядом появился Хегадиль — снова в облике Остери-Прэнца, что само по себе вызывало тревогу, не говоря уже о его дымящейся, обугленной одежде и подпаленной бороде.

— Увы, — хрипло каркнул Хегадиль, — они были готовы. Я едва избежал уничтожения.

Крайне недовольный таким оборотом дела, Веспанус открыл перстень и позволил Хегадию отдохнуть и исцелиться, а сам пошел спать.

Утром он проснулся от шума, с которым солдаты приветствовали своих повелителей, выходявших из дворца. Веспанус посвятил весь свой разум мыслям о побеге. Он задумался о том, что в суматохе финального столкновения ему, возможно, удастся переплыть реку, не без помощи Хегадия, а потом спрятаться в убежище, которое построит мэдлинг, и дожждаться, пока вражеские армии разберутся друг с другом...

Это был дрянной, опасный план, но ничего другого ему в голову не пришло.

Он поднялся, перекусил и отправился в Ониксовую башню. Вокруг головы протостратора беззаботно летали два человечка-

твк, чье присутствие было столь же неуместным, как легкомысленный красный колпак на статуе деодана. Амбиус, на лице которого застыло выражение вселенской скорби, взмахом руки указал на войско Калабранда. Выглянув из окна, Веспанус увидел, что верхняя часть скалистой гряды, расположенной за пределами досягаемости всех орудий замка, сделалась совершенно ровной.

— Платформа для Метателей взрывной безмятежности, — сказал Амбиус. — Твк проинформировали меня, что баржи прибудут во вражеский лагерь на исходе утра. После этого солдатам понадобится весь день или большая его часть, чтобы перетащить орудия от пристани до нужного места. Нам следует ждать атаки завтра на рассвете.

— Чтобы разровнять местность за ночь, понадобился бы сандестин или мэдлинг вроде Хегадила, — заметил Веспанус.

Амбиус пожал плечами.

— И что с того? Они превосходят нас в количестве сандестинов, как и во всем остальном, — ответил он.

— Возможно, в этом следует разобраться.

Веспанус открыл свой перстень и призвал Хегадила. Создание возникло перед ним в виде мертвого человечка-твк с серой кожей и иглой, которая пронзала его живот, словно копье.

— Убери эту гадостную форму, — приказал Веспанус. — Отправляйся вон к тому хребту и проверь, не можешь ли ты подрывать его основание, чтобы сбросить Метатели в специально подготовленную тобой яму.

Хегадила не было три или четыре минуты, а потом он вернулся в облике карликового экзарха, чья привычная высокомерная улыбка уступила место гримасе, которая больше подходила умалишенному.

— Платформу охраняет сандестин по имени Кваад, — доложил он. — Он намного сильнее меня и заявил, что разорвет меня на части, если я попытаюсь ее подкопать.

Веспанус открыл перстень.

— Можешь возобновить отдых.

Когда Хегадиль ушел в свое вместилище, Веспанус приблизился к окну и настроил его таким образом, чтобы увидеть горный хребет в деталях.

— Там работают инженеры, — сказал он. — У них те же самые инструменты, которые используются в архитектуре и землемерном деле: треноги и угломеры, цепи и брусы, альтазимуты и делительные механизмы. Они собираются там что-то строить?

— Напротив, — ответил Амбиус. — Они замыслили

разрушение. Они измеряют точное расстояние и угол расположения замка, чтобы лучше нацелить Метатели и разнести нас в пух и прах.

Веспанус ненадолго замолчал, осмысливая грустную иллюстрацию этого известия. Внезапно прыжок в Димвер показался ему не таким уж страшным планом. Амбиус, который как будто стал меньше ростом, несмотря на свое боевое облачение, медленно поднялся.

— Боюсь, мне придется навестить свою супругу, — произнес он.

Веспанус из любопытства последовал за Амбиусом в его покои. Амбиус то ли не возражал против его присутствия, то ли не заметил, что не один. Протостратор отключил многочисленные ловушки на двери, и Веспанус снова оказался в его кабинете.

Сегодня он лучше рассмотрел протостратиссу — это была пышногрудая женщина с жесткими волосами и, даже с учетом ее нынешних размеров, пронзительным голосом. Из попыток протостратора поговорить с ней Веспанус выловил ее имя — Амэй.

Амэй начала сыпать обвинениями в адрес Амбиуса, стоило тому лишь войти в комнату, и не замолкала на протяжении всей беседы. Суть ее речей — если опустить высказывания личного характера об Амбиусе, его персоне и привычках — сводилась к тому, что она с радостью встретит уничтожение замка и не станет ничем препятствовать, даже если сможет.

Осознав бессмысленность своих уговоров, Амбиус пожал плечами и взял с одной из полок флакон с жидкостью янтарного цвета. Вытащив пробку, он налил единственную каплю в горлышко хрустальной колбы, вследствие чего Амэй зашаталась, фыркнула и рухнула без чувств.

— Иногда требуется поразмыслить в тишине, — сказал он, возвращая флакон на прежнее место, — а этот наркотик гарантирует мне покой на несколько часов.

— Очень эффективно, — заметил Веспанус.

Амбиус устремил задумчивый взгляд на неподвижную фигуру жены.

— Боюсь, шесть лет в хрустальном сосуде наградили ее непоколебимым предубеждением в мой адрес, — произнес он.

— Очень на то похоже, — ответил Веспанус. — Может, мне поговорить с ней наедине?

Амбиус скорбно посмотрел на него.

— Думаете, это поможет? — спросил он.

Веспанус беспомощно пожал плечами.

— По правде говоря, я думаю, что нет.

Веспанус навестил кладовую и раздобыл там хлеб, сыр и выпивку. Он никак не мог решить, удастся ли ему прямо этим вечером броситься в Димвер с Ониксовой башни, выжить — возможно, при помощи Хегадила — и унести к свободе вместе с течением реки.

Сомнительно, подумал он. Защитники замка первыми в него выстрелят.

Он вспомнил о калабрандских инженерах с их угломерами и делителями и о самодовольных ухмылках на лицах магов экзарха, о которых ему было рассказано. Он подумал о том, как базилевс-отец и экзарх сочли его мелкой сошкой и как все его планы по защите замка обернулись ничем.

— Даже их сандестины сильнее, чем мой, — пробормотал он и невольно принялся размышлять о природе сандестинов, их способности свободно путешествовать по хроносфере, посещая Землю в любой момент от ее появления в огне и до дремотного сна под бледными звездами у мертвого Солнца. Потом он подумал о том, как эта способность к путешествиям во времени повлияла на их душевное устройство, сделав сандестинов и их младших родственников, мэдлингов необыкновенно восприимчивыми к среде, в которой им случалось оказываться. Такими разными, такими беспредельно непохожими были места, которые могли посещать сандестины за время своей жизни, что, как предположил Веспанус, у них не оставалось иного выбора, кроме как относиться к миру с прямолинейностью, являвшей собой, с человеческой точки зрения, серьезный изъян...

Посреди всех этих раздумий, перемежавшихся мыслями об инженерах и самодовольных ухмылках заклинателей, в мозгу Веспануса вспыхнула идея, от которой он вздрогнул и сел. Выплюнув недожеванный сыр, он выпустил Хегадила из кольца.

— Я хочу, чтобы ты снова посетил сандестина, сидящего под платформой, — сказал он, — и спросил, не было ли ему поручено препятствовать твоему строительству в той же степени, что и разрушению.

— Я спрошу, — ответил Хегадиль.

Он вернулся спустя секунду.

— Квааду такого не поручали, — сообщил Хегадиль.

— Отправляйся в кольцо, быстрее! — велел Веспанус. — Мне надо увидеть протостратора.

С вершины Ониксовой башни Амбиус наблюдал за тем, как на платформу затаскивали первый Метатель, все еще в люльке.

— У меня есть идея, — заявил Веспанус.

Хегадиль, действуя согласно его указаниям, медленно стал

достраивать платформу, приподнимая ту ее сторону, что была обращена к замку, до тех пор, пока не образовался небольшой уклон, а дула Метателей не оказались направлены под большим углом, чем было запланировано. Сандестин Кваад наблюдал за его действиями и — поскольку Хегадиль ничего не ломал — не вмешивался.

Когда бледное солнце начало свой обычный медленный путь через восточную часть небосвода, Веспанус и Амбиус увидели, что оба войска приведены в боевую готовность и намереваются начать штурм замка, едва тот будет в достаточной степени разрушен. Знамя экзарха парило над платформой, над величественными Метателями. По другую сторону замка возле белого как снег шатра стоял базилевс-отец Пекса, перед которым выстроились лучшие воины.

— В любую секунду... — начал Амбиус, и не успел он договорить, как Метатели выстрелили, и взрывная безмятежность, пролетев над башнями замка, обрушилась на союзников экзарха. Шатер базилевса-отца исчез посреди вихря из огня и пыли. Залпы следовали один за другим, и грохот взрывов не прекращался. Армия базилевса-отца растаяла посреди ослепительных вспышек, похожих на огненные цветы.

Но экзарх и его люди этого не заметили, поскольку Веспанус, используя свою архитектурную магию, создал иллюзорную крепостную стену перед настоящей, неотличимую от оригинала. Когда Метатели выпускали один снаряд за другим, Веспанус создавал иллюзорные взрывы и впечатляющие потоки осколков. Для экзарха все выглядело так, словно он медленно и верно разносил замок Абризонд в пыль.

Веспанус наслаждался грандиозной демонстрацией своего искусства. «Пусть они теперь попробуют не обратить на меня внимание, — думал он, — и тотчас же получают по заслугам!»

Прошло почти полчаса, пока экзарху наконец не сообщили, что его план потерпел крах. Метатели прекратили огонь. Было видно, как экзарх носится по платформе, бранит своих чародеев и лупит инженеров жезлом власти.

Со стороны армии Пекса слышались только крики и стоны.

Так продолжалось до полудня. Во второй половине дня к Амбиусу прилетел твк.

— У меня послание от логофета Терринура, который теперь командует армией Пекса, — заявил прибывший. — Логофет и армия Пекса горят желанием отомстить за своего повелителя, погибшего по вине изменника из Калабранда.

— Я охотно выслушаю предложения логофета, — ответил Амбиус.

— Логофет предлагает атаковать экзарха в полночь, — произнес твк, — но для этого ему придется провести свою армию под стенами замка. Вы позволите ему это сделать?

Амбиус не сумел скрыть выражение мрачного триумфа.

— Позволю, — сказал он. — Но в случае измены мы будем защищаться.

Твк, получив порцию соли, полетел обратно к логофету. Так и вышло, что в полночь Амбиус и Веспанус наблюдали за тем, как армия Пекса тихо продвигается мимо замка, маршируя по направлению к войскам Калабранда. У калабрандцев разведчики и дозорные стояли по всему периметру лагеря, так что они не были столь уж плохо осведомлены о происходящем, но солдат Пекса переполняла ярость из-за гибели их владыки, и, проникнув за укрепления противника, они сумели продвинуться далеко. Ночь заполнилась яростным звоном мечей и яркими вспышками смертоносных заклинаний.

— Глядите! — воскликнул Амбиус. — Они увозят Метатели!

Атакующие позаботились о солдатах и тягловых животных, которым поручено было перетащить Метатели с платформы в собственный лагерь. Громадные устройства требовали больших усилий для своего перемещения, а в это время армию Пекса медленно оттесняли от укреплений противника. И в тот момент когда величественные орудия проходили мимо замка, контратака калабрандцев заставила войско Пекса отступить, так что битва разыгралась прямо перед воротами Абризонда.

— Стреляйте! — приказал Амбиус своим солдатам. Он выхватил меч. — Отгоните их! Если на наших стенах окажутся Метатели, мы будем неуязвимы!

Солдаты протостратора открыли огонь с крепостных стен по толпе воинов внизу, обрушили на головы врагам, сцепившимся в отчаянной схватке, дождь из взрывокаменей и отравленных стрел. Ряды захватчиков дрогнули.

— За мной, солдаты! — закричал Амбиус, воздев меч. — Мы наступаем!

Вновь Веспанус удивился воинской доблести Амбиуса. Его приказы были четкими, решительными, действенными — и им подчинялись. Ворота замка распахнулись, и протостратор повел большую часть своего гарнизона наружу. Эта неожиданная атака заставила силы Пекса и Калабранда отступить, бросив Метатели на поле боя. Амбиус изо всех сил старался организовать своих людей так, чтобы затащить в крепость хотя бы один Метатель, но и Калабранд, и Пекс постоянно нападали, из-за чего сражение у крепостных стен то затихало, то разгоралось с новой силой. Веспанус, не обладавший полезными умениями, наблюдал за

происходящим с укреплений и наконец услышал смятенные крики защитников Абризонда.

Сквозь ворота возвращался гарнизон, чья численность значительно уменьшилась, и с ними было тело тяжело раненного протостратора Амбиуса. Теперь уже Веспанус за неимением другого командира принялся отдавать приказы. Солдаты на стенах открыли огонь, очистивший равнину.

Постепенно битва утихла. Утром оказалось, что под стенами замка валяются пять брошенных и опрокинутых Метателей, чьи дула указывали во все стороны. Не было сомнений в том, что защитники замка в состоянии помешать какой угодно армии забрать такой трофей.

На исходе утра Веспанус увидел с вершины Ониксовой башни, как два войска, теперь враждующие друг с другом, начали позорный путь в родные края.

В полдень к нему пришел солдат.

— Протостратор умер, — сообщил он.

— Отнюдь, — сказал Веспанус. — Протостратор жив, ибо он — это я.

Солдат — один из тех, как припомнил Веспанус, кого выбрали за отсутствие амбиций и склонность к покорности, — просто поклонился, а затем ушел.

Веспанус некоторое время созерцал крепостные стены, обдумывая свой следующий шаг, а потом спустился во внутренний двор и направился в личные покои протостратора. Весть о его возвышении бежала впереди, и Веспанус с удовлетворением видел, как солдаты, встретившиеся по пути, отдают ему честь, как командиру. У дверей Амбиуса Веспанус попытался обезвредить оставленные им ловушки — и лишь в последний момент сумел уклониться от стрелы оранжевого пламени. Открыв дверь ценой подпаленного рукава, он вошел в кабинет протостратора и приблизился к хрустальной колбе, в которой содержалась протостратисса. Он поставил напротив нее стул и присел. Некоторое время они с Амэй созерцали друг друга сквозь мерцающий хрусталь. В конце концов он заговорил.

— Уверен, ты порадуешься вместе со мной тому, что враг, угрожавший безопасности этого замка, побежден, — сказал он, — а также оплачешь смерть твоего супруга.

Она склонила голову, потом вздернула подбородок и произнесла:

— Хотя истерический смех и горькие слезы в данном случае выглядят одинаково подходящими вариантами, думаю, я откажусь и от того и от другого.

— Как пожелаешь, — мрачно отозвался Веспанус.

— Не могу ли я попросить тебя об услуге? Будь так добр, возьми одну из бронзовых нимф вон с той полки и хорошенько стукни по этой колбе.

— Зачем?

— Разве не ясно? Я желаю освободиться.

— Я нахожу это проблематичным. — Он внимательно смотрел на нее. — Заполучив свободу, ты попытаешься стать правительницей Абризонда, а в связи с тем, что я недавно провозгласил себя новым протостратором, это неизбежно приведет нас к конфронтации.

Амэй удивилась таким новостям. Ее миниатюрное личико кривилось, пока она обдумывала ответ.

— Как раз наоборот, — заявила она. — Я буду твоей помощницей, поддержкой и опорой. Тебе понадобятся мои советы, чтобы по-настоящему сделаться новым правителем теснины.

— Я предпочитаю действовать с предельной осмотрительностью, — ответил Веспанус, и, когда Амэй отвела душу, обругав его в той же манере, что и своего бывшего мужа, он поднял руку. — Покойный Амбиус говорил мне о здешнем уединении, о нехватке светской жизни и искусства. Можно предположить, он жалел о том, что сделался повелителем.

— Не верь ему, — отозвалась Амэй. — У него были большие амбиции.

— А у меня их нет, — признался Веспанус. — Хотя я желаю материального благополучия, у меня нет стремления сидеть в одинокой крепости посреди пустоши всю свою молодость, а также сражаться с целыми государствами.

— В таком случае, — сказала Амэй, — ты должен освободить меня и сделать правительницей, а я вознагражу тебя сторицей за услуги.

— У меня другой план, — произнес Веспанус. — Я останусь правителем только на один сезон и сниму сливки с баржевиков и торговцев, путешествующих по Димверу. После этого я опять превращусь в обычного школяра и удалюсь вместе со своими сбережениями на арендованной барже. Как только я окажусь на безопасном расстоянии, тебя освободит солдат, действующий согласно моему приказу, и ты тотчас же займешь свое место и станешь величайшей женщиной в истории Абризонда.

Амэй, моргая, некоторое время размышляла над услышанным.

— Думаю, это справедливо, — рассудила она. — Однако мне не хотелось бы провести в колбе ни одной лишней секунды.

Веспанус вежливо ей кивнул.

— Что несправедливо, — сказал он, — так это то, что я должен буду платить солдатам, нанимать летний отряд, в то время как у меня нет средств. Следовательно, мне нужно попасть в сокровищницу покойного лорда — и, поскольку в ходе нашего знакомства я не упустил из вида подозрительность протостратора вкупе с его блестящими познаниями в устройстве ловушек, одна из которых только что стоила мне рукава, будет не лишним предположить, что сокровищница под защитой. Таким образом, я обращаюсь к тебе с просьбой поделиться сведениями об имеющихся ловушках и о том, как их можно обезвредить.

Амэй подозрительно прищурилась.

— Вне всяких сомнений, ты можешь расплатиться с наемниками из тех денег, что получишь от торговцев.

— Случившаяся война может повлечь за собой неблагоприятный год для торговли на Димвере, и в этом случае я останусь ни с чем. И как бы там ни было, мне бы хотелось вознаградить нынешний гарнизон за их отвагу во время обороны.

— Деньги в том хранилище должны принадлежать мне! — заявила Амэй. — Я расплатилась за них шестью годами, которые провела сидя в этом шарике, словно кукла!

— Подумай о том, сколько лет ты проведешь в Абризонде, — сказал Веспанус. — О бесконечном потоке денег и товаров, идущем вверх и вниз по Димверу, и о громадном состоянии, которое ты сможешь собрать. В то время как мне придется всю жизнь довольствоваться теми деньгами, которые я сумею отсюда унести.

— Ты никогда не получишь моих денег! Никогда!

И Амэй, потрясая кулаками, начала ругать Веспануса почти теми же словами, которые ранее были адресованы ее мужу.

— Ну что ж, — произнес Веспанус. — Возможно, освободить тебя мне все же не придется.

Он взял с полки флакон, который Амбиус использовал в его присутствии, вытащил пробку и налил одну каплю в горлышко колбы. Выплюнув еще несколько проклятий, Амэй погрузилась в глубокий сон.

Проснувшись, она обнаружила, что лежит на покрывале из тусклой парчи, на уютном ложе из черного дерева. Комната была маленькая, но изысканно обставленная, с множеством зеркал, мебелью с перламутровыми инкрустациями, коврами замысловатых узоров и ярких цветов. Она изумленно огляделась и села. Перед ней с ленивым видом устроился на диванчике Веспанус из Роэ.

— Это моя комната! — воскликнула Амэй.

— Твой покойный супруг сохранил ее в неизменном виде, —

отозвался ее собеседник. — Если хочешь, можешь считать это доказательством привязанности, которой он не утратил до конца.

— Или отсутствия воображения! — сказала Амэй. Она огляделась по сторонам. — Так меня, похоже, выпустили на свободу.

Фигура Веспануса ответила торжественным кивком.

— Я пересмотрел свое мнение. Гарнизон, опьяненный победой, не желает выполнять мои приказы, твои сообщают, что армия экзарха готовится предпринять новый поход, и в нынешних обстоятельствах пойменные луга Пекса кажутся мне до странности привлекательными.

Он поднялся.

— Я оплатил проезд на первой же барже, которая появилась тут, — произнес он, — и позволил себе разместить на ее борту половину содержимого сокровищницы протостратора, что, я надеюсь, ты сочтешь справедливым. Я задержался лишь ради того, чтобы узнать, не пожелаешь ли ты передать с моей помощью какое-нибудь письмо и, быть может, доверить мне некоторую сумму денег, предназначенную для найма солдат в твой гарнизон.

Амэй спустила ноги с кровати и с опаской встала.

— Половина? — переспросила она. — Ты забрал половину?

— Несомненно, я заслуживаю награды за то, что сохранил это место и освободил тебя.

Глаза Амэй блеснули.

— Награды, да... но половина?

Он прочистил горло.

— Если у тебя нет для меня писем, то не смею больше занимать твое внимание.

Он поклонился и поспешно направился к двери.

— Постой! — крикнула она. Он поколебался, и она уверенно шагнула к нему. — Было само по себе плохо, — сказала Амэй, — что я провела шесть лет в этом гадком шаре, униженная и лишенная своих чародейских способностей. Было плохо уже то, что мне пришлось выносить присутствие мужа и наблюдать, как он развлекается с теми бронзовыми нимфами, — и плохо, что я могла видеть, как он день за днем становится все богаче, считает отнятые у баржевиков монеты и драгоценные камни, перед тем как отнести их в хранилище. — Она устремила на Веспануса пылающий взгляд и продемонстрировала в улыбке ровные белые зубы. — Так зачем же мне вдобавок ко всему прочему терпеть вора, который отнимает у меня половину состояния и взамен предлагает передать письмо!

Он снова поклонился и приложил руку к груди.

— Осмелюсь напомнить, — начал он, — что я тебя освободил. Разве я не заслуживаю за это чего-нибудь?

— Несомненно, заслуживаешь, — согласилась Амэй. — Я убью тебя прямо сейчас, и быстро, а не подвешу за пятки на Ониксовой башне!

Решительно взмахнув рукой, она произнесла слова, которые должны были задействовать заклятие лазурного свертывания.

Ничего не произошло.

Амэй уставилась на Веспануса, а тот уставился на нее в ответ, и у них обоих на лицах застыло выражение сильного удивления.

— Так у тебя есть амулет против этого заклятия, — сказала Амэй. — Но ничто не может защитить от превосходного призматического спрея!

И опять она произнесла слова заклятия, усиливая его действие энергичными жестами. Снова ничего не случилось, и ее противник растерянно моргнул.

— Кажется, мы видели достаточно, — произнес голос Веспануса, и Амэй встревоженно огляделась — звук как будто раздавался сверху, а не оттуда, где находился ее противник. Потом она посмотрела на него и отпрянула: фигура Веспануса расплылась и превратилась в ухмыляющегося человека с выпученными глазами, большой бородой и неправильным прикусом.

Потом воцарилась суматоха, поскольку ухмыляющийся человек принялся носиться по комнате с невероятной скоростью. Он хватался за что попало и рвал саму комнату на части, кусок за куском, и ему понадобилось лишь несколько секунд, чтобы все уничтожить, оставив лишь собственную ухмыляющуюся персону и прозрачные хрустальные стены.

— Позволь мне, — проговорил Веспанус, глядя сквозь хрусталь, — представить своего мэдлинга Хегадила.

Хегадиль отвесил ей изысканный поклон. Амэй вперила взгляд сначала в мэдлинга, потом — в Веспануса, который стоял в кабинете ее мужа.

— Я решил, что будет лучше проверить, стоит ли иметь с тобой дело, — сказал Веспанус. — Пока ты спала, я поручил Хегадию построить внутри колбы точную копию твоей спальни. Поскольку у него талант к лицедейству, я также приказал ему принять мой облик и проверить, не нападешь ли ты на меня, оказавшись на свободе. Увы, моя госпожа, испытание провалено...

— Ты вразумил меня! — быстро ответила Амэй. — Я изменюсь!

— Я не так глуп, чтобы снова тебе поверить, — заявил Веспанус. — Идем, Хегадиль!

Хегадиль прошел сквозь хрустальную стену колбы и залетел в перстень на пальце Веспануса.

— Прощай, моя госпожа, — произнес Веспанус. — Я позволю тебе поразмыслить над своим долгим и, вне всяких сомнений, скучным будущим.

Он вышел из кабинета до того, как к ней вернулся дар речи. На самом деле он и не рассчитывал на везение с госпожой Амэй, но идею все же стоило опробовать. В любом случае у него было целое лето, чтобы обезвредить все ловушки на дверях сокровищницы, — и, конечно, он мог рассчитывать на весьма существенную помощь Хегадила.

Обдумывая открывшиеся перспективы, протостратор Веспанус взошел на вершину Ониксовой башни и оттуда принялся обозревать свои новые владения.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я полюбил прозу Джека Вэнса в зрелом возрасте и этим, похоже, в значительной степени отличаюсь от многих.

Большинство читателей Вэнса познакомились с его произведениями будучи подростками. Я тоже читал его работы в юности, но, наверное, сделал неправильный выбор, был невнимателен или просто ничего не понял.

Однако мои друзья-литераторы все время говорили о том, какой Джек Вэнс восхитительный писатель, и о том, как сильно они любят его творчество. Вкусам этих людей я доверял.

Поэтому я принялся читать серию «Властители Зла». За ней последовали циклы «Аластор» («Alastor»), «Планета приключений» («Tschai»), «Большая планета» и вскоре пришла очередь «Умирающей Земли».

Таким образом, я, лишь будучи взрослым, сумел оценить изысканное великолепие стиля, свойственное Вэнсу, его точность в описании характеров и широту воображения.

В романах и рассказах из цикла «Умирающая Земля» меня необычайно привлекли интриги вэнсовских хитроумных и аморальных волшебников, склонных к политесу и одержимых приобретательством и престижем, поэтому я задумал историю о человеке, который еще не заслужил места среди элиты. Веспанус молод, недостаточно образован, и, пожалуй, он посредственный волшебник. Чтобы войти в число властелинов Умирающей Земли, он должен применять свои ограниченные способности искусно и ловко.

Абризонд, Пекс и Калабранд — страны, которые я выдумал

сам, но надеюсь, что они вышли достаточно вэнсовскими с точки зрения стиля. Их населяют сущности, созданные воображением Вэнса: сандестины, человечки-твк и уменьшенные волшебники — а также мои собственные изобретения вроде взрывной безмятежности.

Я с удовольствием включил в историю такие вэнсовские штуки, как алидады, альтазимуты и делительные механизмы, которые, хоть и входят в инвентарь инженеров из Калабранда, на самом деле являются настоящими приспособлениями, используемыми в настоящем мире настоящими топографами.

Возможно, у реальной жизни есть с миром Джека Вэнса больше общего, чем кажется.

Уолтер Йон Уильямс